

Пазухин Алексей Михайлович

На баррикаде

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
На баррикаде / Пазухин Алексей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 224 с.

ISBN 978-5-521-27093-4

ISBN 978-5-521-27093-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Самъ Явшинъ, сѣдой старикъ, съ баками, съ длинными выщипавшимися волосами, съ очками на крупномъ характерномъ носу, сидитъ въ мягкомъ креслѣ и читаетъ книгу.

Мы забыли сказать, что среди прочей мебели въ залѣ помѣщаются очень старинные „въ корпусѣ“ часы. Эти часы въ моментъ нашего нескромнаго вторженія въ комнату отставнаго учителя пробили восемь.

— Сейчасъ и Каничка придетъ... сейчасъ Каничка придетъ! — запѣла Аня тѣмъ мотивомъ, которымъ она передъ этимъ напѣвала свою пѣсенку.

Иванъ Осиповичъ Явшинъ положилъ книгу на столъ.

— А можетъ и не придетъ! — промолвилъ онъ.

— Какъ не придетъ?..

Дѣвушка даже съ негодованіемъ посмотрѣла на своего отца.

— Да такъ и не придетъ... Погода скверная, вѣтеръ свищетъ, дождь, кажется, начинается, — ну и не придетъ... Тоже, матушка моя, съ Покровки-то да на Плющиху дорога не близкая, — дистанція огромнаго размѣра!.. Еще сюда на конкѣ можно, а вѣдь домой-то придется по образу пѣшаго хожденія, ну и не придетъ...

— Какъ же онъ смѣетъ?.. При томъ-же онъ вовсе не такой нѣженка, чтобы бояться дождя и вѣтра... Онъ молодъ, силенъ, превосходный ходокъ, и слѣлать эту, какъ вы говорите, „дистанцію огромнаго размѣра“ ему ничего не стоитъ...

— Въ ожиданіи его ты и чаю мнѣ не наливаешь? — усмѣхнулся отставной учитель.

— Вовсе не потому, папочка, а не наливаю я вамъ ради того, что чай еще не настоялся...

— Ну, ничего, подождемъ...

Отставной учитель откинулся на спинку кресла и сталъ любоваться на свою дочку, которая, продолжая напѣвать, рѣзала, укладывая въ корзинку, бѣлый хлѣбъ.

Она была очень хорошенькая, эта дочь отставнаго учителя.

Брюнетка, чуть-чуть пониже средняго роста, она была такая стройненькая, изящная, глазки у нея смотрѣли бойко и весело, чуть-чуть вздернутый носикъ дѣлалъ ея личико нѣсколько насмѣшливымъ и надменнымъ, но это выраженіе насмѣшливости и надменности смягчалось какъ выраженіемъ глазъ, такъ и складомъ красивыхъ полныхъ губъ. Густые темные волосы были у нея гладко зачесаны, заплетены въ

косу, и коса большою петлей лежала на шеѣ. Синее шерстяное платье, простенькое, но мило сшитое, красиво облегало ея стройную, немножко полную фигуру.

Лѣтомъ этого года отецъ и дочь Явшины жили на дачкѣ въ Перовѣ. Дачка была маленькая, дешевенькая, но очень небольшія средства Явшиныхъ, — они жили на пенсію Ивана Осиповича и на урокъ Ани, — дѣлали и такую крошечную дачку роскошью, а потому мезонинъ дачки они рѣшили отдать какому-нибудь „одинокому человѣку“.

Такимъ „одинокимъ человѣкомъ“ явился бывший сослуживецъ Ивана Осиповича, учитель гимназіи, Аркадій Гавриловичъ Снѣжковъ.

Снѣжковъ былъ и раньше знакомъ съ Явшиными. Захаживалъ иногда къ нимъ, но не часто. Встрѣчался на вечеринкахъ у сослуживцевъ съ Анею, раза два танцевалъ съ нею, но какъ-то не обращалъ на нее вниманія. Лѣтомъ-же, гуляя по окрестностямъ не слишкомъ живописнаго Перова, проводя ненастные дни съ утра до вечера въ маленькой комнаткѣ Ани, онъ влюбился въ нее и сдѣлалъ въ концѣ лѣта предложеніе. Предложеніе было принято, и Аркадій Гавриловичъ Снѣжковъ сталъ женихомъ Ани.

Свадьбу отложили до зимы, такъ какъ отецъ Снѣжкова хотѣлъ лично благословить своего единственнаго сына, ранѣе-же начала зимы пріѣхать въ Москву онъ не могъ, служа управляющимъ большого имѣнія на югѣ и задержанный тамъ уборкою хлѣбовъ.

Такимъ образомъ къ началу этой осени учитель Аркадій Гавриловичъ Снѣжковъ былъ женихомъ дочери отставного учителя Явшина — Ани, и она имѣла полное основаніе ждать своего жениха и въ этотъ непогожій, дождливый холодный вечеръ.

Она не ошиблась.

Не прошло и пяти минутъ послѣ разговора отца съ дочерью, какъ въ прихожей раздался рѣзкій звонокъ, и туда бросились изъ кухни — старая кухарка Василиса, а изъ кабинета — пуделекъ „Грачикъ“.

„Грачикъ“ залился было лаемъ, но сейчасъ-же сердитый лай этотъ перешелъ къ визгъ, и было видно, что пришелъ „свой человѣкъ“.

Это и былъ учитель Аркадій Гавриловичъ Снѣжковъ.

Снѣжковъ и Аня могли назваться „парочкою“, — онъ былъ очень красивый, видный молодой человѣкъ, съ подстриженою темною бородкой, стройный, широкоплечій, съ волнистыми темными волосами, съ бойкими и умными карими глазами, которые твердо, но въ то же время ясно и весело смотрѣли на міръ Божій.

Анѣ лѣтомъ исполнилось двадцать лѣтъ, Снѣжкову было лѣтъ подъ тридцать.

— А мы сейчасъ споръ подняли съ Анютой, — встрѣтилъ Иванъ Осиповичъ гостя, подавая ему руку.

— И, конечно, я выиграла! — весело замѣтила Аня.

Снѣжковъ сѣлъ къ столу и закурилъ папироску.

— Какой-же это споръ? — спросилъ онъ, пуская струйки дыма и принимая изъ рукъ Ани стаканъ крѣпкаго чаю.

— Да я говорилъ, что ты не придешь въ такую погоду, что волей-неволей явится у тебя „боязнь разстоянія“, — отвѣтилъ Иванъ Осиповичъ.

Снѣжковъ усмѣхнулся.

— Вы должны были проиграть, Иванъ Осиповичъ, — промолвилъ онъ. — Я этой болѣзнию не страдаю, и мнѣ рѣшительно все равно — идетъ-ли дождь, сіяетъ-ли яркое солнце... Противъ дождя у меня непромокаемый плащъ и превосходныя калоши, что-же касается величины разстоянія, такъ его не замѣчаешь, когда идешь въ домъ, гдѣ тебѣ и тепло, и уютно, и весело...

Онъ взялъ руку Ани и поцѣловалъ ее.

— Жаль, папочка, что мы съ тобою пари не поддержали, — говорила Аня, хозяйничая около самовара. — Надо-бы поддержать пари и надо-бы тебя „обставить“ на два билета въ Малый театръ...

— Ну, что-жъ, я готовъ и не проигравъ пари купить вамъ два билета, — сказалъ старикъ.

— Это уже сдѣлалъ я...

Снѣжковъ весело улынулся своей невѣстѣ, досталъ бумажникъ и вынулъ изъ него два розовые узенькіе билетика, на которыхъ значилось, что это мѣста амфитеатра.

— Идетъ новая пьеса, которую очень хвалятъ, и я постарался достать билеты, — сказалъ онъ.

Дѣвушка поблагодарила его такимъ взглядомъ, который былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— На какой день? — спросила она, бережно складывая эти билетки и укладывая ихъ въ коробочку, которая стояла среди нарядныхъ бездѣлушекъ на этажеркѣ, близь стола.

— На завтра...

Дѣвушка еще разъ поблагодарила взглядомъ жениха, сѣла къ столу, и началось то семейное чаепитіе, за которымъ такъ хорошо чувствуется, весело разговаривается и даже пріятно молчится.

Пусть тамъ за окномъ бушуетъ вѣтеръ и льетъ дождь, пусть тамъ осень настойчиво завоевываетъ свои права, а здѣсь въ такой комнаткѣ, никто не хочетъ знать ни вѣтра, ни дождя, никто не замѣчаетъ суровой осени, и всѣмъ кажется, что стоитъ лучезарная теплая весна.

О какихъ-нибудь значительныхъ и важныхъ предметахъ не разговаривали. Говорили о чемъ придется, порою вдругъ всѣ умолкали, и „тихій ангелъ пролеталъ“ по комнатѣ.

Вдругъ опять раздался звонокъ. На этотъ разъ это былъ звонокъ сердитый, яростный, и колокольчикъ словно зарыдалъ, дернутый чьею-то нетерпѣливою рукою.

Песикъ опять выскочилъ изъ кабинета съ яростнымъ лаемъ, а старая Василиса, не торопясь уже, шла изъ кухни.

— Это Предтеченскій! — съ улыбкой замѣтилъ отставной учитель.

— Почему вы знаете? — обратился къ нему Снѣжковъ.

— По звонку...

Въ прихожую кто-то вошелъ, но „Грачикъ“ не переставалъ лаять, а напротивъ заливался все сердитѣе и яростнѣе.

— Прочь ты, песъ проклятый! — раздался изъ прихожей сердитый басистый голосъ. — Что за поганая манера псовъ держать?.. На дворѣ чуть какой-то барбось не загрызъ, здѣсь эта каналья подъ ноги лѣзетъ... Убери-же ты его, старая карга, а-то я ему хребетъ тростью перешибу...

— Сердитъ больно! — отозвалась старая кухарка. — Карга!.. Кому карга, а тебѣ тетка!.. Только на одного тебя и бросается этотъ „Грачикъ“-то... Чуетъ, должно быть, своимъ песьимъ сердцемъ, какой ты человѣкъ есть...

— Ну, ладно, ладно... заткни фонтанъ краснорѣчія!..

Кухарка, ворча подъ носъ, увела собачку въ кухню, а новый посѣтитель раздѣлся безъ посторонней помощи, долго

стаскивая калоши, стуча ими, кого-то ругая, что-то подшвыривая...

Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату.

Это былъ человѣкъ огромнаго роста, худой, съ крупною головою на широкихъ плечахъ. Темнорусые, длинные, лохматые волосы сползали на лобъ, на глаза, падали на плечи и смѣшивались съ бородою, которая начиналась почти отъ самыхъ глазъ. И весь онъ казался волосатымъ, словно какой-нибудь новозеландскій дикарь.

На немъ былъ значительно потертый сюртукъ, съ очень короткими рукавами, изъ которыхъ торчали огромныя кисти длинныхъ рукъ, красивыхъ теперь отъ холода, съ узловатыми пальцами, не знавшія должно-быть никогда перчатокъ.

Воротничка и галстука не было замѣтно изъ подъ огромной бороды посѣтителя, а на толстомъ драповомъ жилетѣ не хватало пуговиць. Но за-то весь жилетъ былъ испещренъ разноцвѣтными пятнами самаго разнообразнаго происхожденія. Тутъ были и темныя чернильныя пятна, и пятна отъ какихъ-то соусовъ, и рыжеватые потоки отъ пролитого вина и пива... Огромныя серебряныя часы, на которые посѣтитель взглянулъ, войдя въ комнату, онъ носилъ на бронзовой цѣпи, которая легко удержала-бы взбѣсившагося медвѣдя.

И все у него и на немъ было такое нескладное, грубое, и весь онъ казался какимъ-то „лѣснымъ человѣкомъ“.

— Здравствуйте! — сурово поздоровался онъ со всѣми и всѣмъ по очереди пожалъ руку.

Аня слегка вскрикнула отъ этого пожатія и потомъ долго дула на свои покраснѣвшіе пальчики.

Гость сѣлъ поодаль стола и закурилъ толстую и очень злокачественную папиросу.

— Какъ поживаете, Василискъ Ефимовичъ? — обратился къ нему старикъ Явшинъ. — Здоровы-ли, батюшка?

— Да вѣдь вы не докторъ... Что-жъ вамъ про мое здоровье спрашивать?..

Старикъ засмѣялся.

— Да вѣдь такой обычай, милый мой, — промолвилъ онъ.

— Мало-ли глупыхъ обычаевъ?.. Зачѣмъ-же неглупымъ людямъ слѣдовать имъ?.. Все вотъ отъ этихъ обычаевъ и

зависить, вся жизнь ими испещрена... Все обычаи да правила, да традиции, чортъ-бы ихъ взялъ!..

— Вы сегодня сердиты, батюшка,—мягко замѣтилъ Явшинъ.

— Если я протестую, такъ это еще не значить, что я сердить! — огрызнулся гость.

— Чаю хотите, Василискъ Ефимовичъ?—съ милою улыбкою обратилась къ нему Аня.

— Нѣтъ-съ, не хочу...

— Вы любите пиво, Василискъ Ефимовичъ,—заговорилъ Явшинъ.—Пожалуйста, не стѣсняйтесь и если желаете, такъ скажите, я пошлю, Василиса духомъ сбѣгаетъ...

— Хотѣть я всегда хочу, потому пиво и пріятный и здоровый напитокъ, а посылать не зачѣмъ... Я вотъ пришелъ за нимъ...

Гость ткнулъ длиннымъ пальцемъ въ сторону Снѣжкова.

— У меня до него дѣло большое есть, вотъ и пойдемъ мы съ нимъ въ трактиръ, тамъ и пожремъ чего-нибудь, и пива выпьемъ...

— Ахъ, нѣтъ, я не пущу Аркадія!—горячо запретствовала Аня.—Онъ шель съ Покровки, чутъ не пять верстъ отмахалъ, и я хочу, чтобы онъ побылъ вечеръ у насъ... Мы поьемъ чаю, поболтаемъ, посидимъ, а потомъ закусимъ. Пива можно выпить и здѣсь, Василискъ Ефимовичъ, я сейчасъ пошлю, папа тоже любитъ иногда выпить пива...

— Да я не сію минуту похищу вашего сахарнаго Аркашеньку. Пусть онъ сидитъ и тихимъ счастьемъ наслаждается... А вотъ, когда онъ достаточно насладится, тогда я и поведу его...

Онъ обратился къ Снѣжкову.

— У меня до тебя очень серьезное дѣло есть... Ты непременно долженъ пойти сегодня со мною... Въ „Международномъ“ ресторани мы съ тобою пиво будемъ пить и разговоры разговаривать... Впрочемъ, здѣсь ты можешь оставаться часовъ до десяти, до одиннадцати, это ничего не значить, но не позднѣе одиннадцати я тебя уведу...

Снѣжковъ засмѣялся.

— Ты распоряжаешься мною, какъ собственностью,—замѣтилъ онъ.

— Стало-быть, имѣю на это право...

— А дѣло важное?—спросилъ Снѣжковъ.

— Да ужъ стало-быть важное, что я, не взирая на эту поганую погоду, притащился за тобою сюда...

Снѣжковъ посмотрѣлъ на часы.

— Хорошо... въ одиннадцать часовъ я къ твоимъ услугамъ...

Съ приходомъ этого гостя въ комнатѣ стало какъ-то не такъ уютно.

Бываютъ люди, которые умѣютъ внести куда угодно какое то диссонансъ. Этотъ диссонансъ получается ужъ отъ одного того, что такіе люди и говорятъ какъ-то особенно, и наружность имѣютъ зловѣщую.

Къ числу такихъ людей несомнѣнно принадлежалъ этотъ гость Явшиныхъ, журналистъ Василискъ Ефимовичъ Предтеченскій.

Явшины знали его за человѣка порядочнаго, хотя и грубоватаго, „нескладнаго“ человѣка, но тѣмъ не менѣе и отецъ, и дочь инстинктивно боялись его вообще, а сегодня какъ-то особенно.

Думалось имъ почему-то, что человѣкъ этотъ пришелъ не съ добромъ и что отъ сегодняшняго визита его произойдетъ что-то чрезвычайное, грустное и тяжелое.

II.

Было около одиннадцати часовъ, когда Аркадій Гавриловичъ распрощался съ Явшиными и въ сопровожденіи Предтеченскаго вышелъ на улицу.

Погода продолжала хмуриться. Рѣзкій порывистый вѣтеръ съ заунывнымъ свистомъ какъ-то особенно стремительно налеталъ и, обрывая пожелтѣвшіе листья и задувая слабое пламя уличныхъ фонарей, уносился впередъ. Мелкій, точно просѣянный сквозь сито дождь продолжалъ однообразно барабанить по желѣзнымъ крышамъ, скользкимъ тротуарамъ и, скопляясь на поляхъ шляны, при каждомъ движеніи сбѣгалъ тонкими струйками на плечи и за поднятый воротникъ пальто.

Послѣ теплой и уютной квартиры Явшина этотъ холодный мракъ и ненастье чувствовались гораздо сильнѣе, и

Аркадій Гавріиловичъ уже нѣсколько разъ мысленно ругнулъ Предтеченскаго за то, что тотъ такъ рано вытащилъ его отъ невѣсты. Но съ другой стороны его чрезвычайно интересовало, по поводу какого дѣла зашелъ за нимъ Василискъ Ефимовичъ.

Дѣло, очевидно, было важно, такъ какъ Предтеченскій ради какихъ-нибудь пустяковъ не пошелъ-бы въ такую ненастную погоду на край свѣта, на Плющиху.

Пройдя нѣсколько шаговъ молча и увидавъ, что Предтеченскій о чемъ-то сосредоточенно думаетъ и видимо не желаетъ заговаривать, Аркадій Гавріиловичъ спросилъ:

— Ты, кажется, хотѣлъ мнѣ что-то рассказать? Что же это за дѣло?..

Предтеченскій пристально поглядѣлъ на своего спутника, качнулъ нѣсколько разъ головой, чтобы согнать со шляпы дождевую воду, и грубымъ низкимъ басомъ проговорилъ:

— Узнаешь... Погоди!..

Снѣжкову ничего больше не оставалось, какъ послѣдовать этому совѣту и ждать того момента, когда Василискъ Ефимовичъ сочтетъ нужнымъ приступить къ изложенію дѣла.

Закуривъ толстую папиросу и заложивъ руки въ карманы, Предтеченскій шелъ размашистыми и быстрыми шагами, совершенно не обращая вниманія на своего спутника.

— Ужасная глушь, — проговорилъ онъ, разглядывая пустынную улицу. — Кромѣ сонныхъ дворниковъ — никого, точно гдѣ-нибудь въ Чухломѣ или того еще хуже.

И затѣмъ, обратившись къ Снѣжкову, прибавилъ:

— Ты, кажется, каждый день любишься этой благословенной страной?

— Да, я почти каждый день здѣсь бываю...

Предтеченскій громко разсмѣялся.

— Влюбленъ... таешь—заговорилъ онъ, едва сдерживая смѣхъ. — Томные взгляды, страстные рѣчи, чортъ знаетъ, что такое!.. И не стыдно тебѣ?.. Нѣтъ, ты мнѣ скажи, не совѣстно тебѣ заниматься всей этой чепухой?..

— Я тебя не понимаю...

— Не понимаешь? — переспросилъ Предтеченскій. — А кажется, чего проще... Я говорю не по-китайски, а впрочемъ, влюбленные не только другихъ, но и себя перестаютъ понимать... Это, братъ, въ порядкѣ вещей... Грустно,

но это такъ... Когда нужно, влюбленные ничего не понимаютъ, а когда начнутъ понимать, бываетъ слишкомъ поздно...

— Выражайся, пожалуйста, яснѣе, — нетерпѣливо проговорилъ Аркадій Гавриловичъ. — Какъ это „поздно“?..

— Я говорю, что мозги влюбленныхъ просвѣтляются только тогда, когда бываетъ слишкомъ поздно. Что-жъ тутъ непонятнаго? Это, братъ, такая истина, что и доказывать не стоитъ... Вотъ мы сейчасъ идемъ рядомъ по этой улицѣ, оба смотримъ впередъ, а видимъ оба совершенно различные предметы. Я вижу грязную перспективу улицы, лужи, сонныя рожи дворниковъ, а ты, конечно, что-нибудь такое болѣе возвышенное, можетъ-быть даже божественный ликъ своей Ани.

— Послушай, Василискъ, Ефимовичъ, — запальчиво произнесъ Снѣжковъ, — я тебя попрошу быть болѣе осмотрительнымъ и совершенно не касаться нѣкоторыхъ предметовъ.

— Ну, я такъ и зналъ, — продолжалъ Предтеченскій тѣмъ же тономъ. — Все по программѣ... Вспышка благороднаго негодованія и все такое, точно испанецъ временъ Изабеллы, не достаетъ только шпаги... Но впрочемъ съ маленькой натяжкой ее можно замѣнить вотъ этой палкой...

И Предтеченскій громко разсмѣялся.

— Вотъ ты и обидѣлся, — продолжалъ онъ, — что я коснулся, какъ ты сказалъ, „нѣкоторыхъ предметовъ“... Но скажи, положи руку на сердце, развѣ я не правъ?.. Конечно, ты теперь смотришь на всѣ вещи совершенно иначе, нежели я, или вотъ этотъ господинъ, что расплачивается съ извозчикомъ. Мы смотримъ, какъ и всѣ нормальные люди, а ты все видишь въ превратномъ свѣтѣ, потому что ты влюбленъ, потому что ты находишься въ угарѣ и потому, наконецъ, что, самъ не замѣчая, ты надѣлъ сентиментальные очки съ розовыми стеклами и смотришь черезъ нихъ на міръ Божій... Теперь пока ты надѣлъ только одни очки, — бѣда не велика, можно еще поправить дѣло... А вотъ какъ надѣнешь что-нибудь потяжелѣй, вродѣ золотыхъ цѣпей Гименея, тогда, братъ, капутъ, пиши пропало... Тогда ужъ поправить трудно...

— Для меня совершенно непонятно, — произнесъ послѣ минутнаго раздумья Аркадій Гавриловичъ, — почему ты го-

воришь со мною какимъ-то страннымъ тономъ, точно оплакиваешь меня...

— Я, братъ, именно и оплакиваю... Хотя ты и влюбленный, а вѣрно подмѣтилъ мой тонъ... Я, братъ, какъ тебѣ извѣстно, не терплю сентиментальностей,—это что-то вроде размазни безъ масла, и жидко, и невкусно, и голода утолить нельзя... То, что хорошо и естественно было въ устахъ Карамзина, то въ устахъ современнаго человѣка положительно противно. Жизнь, какъ ураганъ, бѣшено мчится впередъ, выдвигаетъ новыя требованія, новыя вѣянія, новые вопросы, вопросы жгучіе и интересные, на которые необходимо откликнуться каждому культурному человѣку, а ты въ это время сидишь, киснешь да вздыхаешь около своей невѣсты... Это тѣмъ болѣе грустно, что человѣкъ ты умный, человѣкъ вполне приспособленный для дѣла... Эхъ, даже и говорить не хочется!.. Жаль мнѣ тебя, Аркадій, искренно жаль!

Аркадій Гавріиловичъ молча слѣдовалъ за своимъ спутникомъ. Сначала грубый и рѣзкій тонъ Предтеченскаго возмущалъ его, и онъ нѣсколько разъ пробовалъ осадить его, но понявъ, что всѣ возраженія рѣшительно ни къ чему не приведутъ, рѣшилъ быть терпѣливымъ и безропотно дожидаться, когда его пріятель дойдетъ до сути дѣла, для котораго онъ вызвалъ его отъ Явшиныхъ.

— Ну вотъ и пришли, — проговорилъ Предтеченскій, входя въ освѣщенный подъѣздъ ресторана.

Снѣжковъ послѣдовалъ за нимъ.

Въ общей залѣ были заняты почти всѣ столики. Публика была довольно разношерстная, но преобладающій контингентъ составляла „баогема“ — люди разныхъ свободныхъ профессій, мелкіе журналисты, художники, музыканты, два—три сѣрыхъ подрядчики и, наконецъ, какіе-то подозрительные типы, неопредѣленныхъ званій и профессій.

Предтеченскій, гордо закинувъ свою всклокоченную голову и съ саркастической улыбкой поглядывая на посѣтителей, остановился посреди залы, отыскивая свободный столикъ.

— Сюда пожалуйста, Василискъ Ефимовичъ! — проговорилъ, раскланиваясь, распорядитель. — Вотъ свободный столикъ!

— Ну и отлично, — произнесъ Предтеченскій, важно уса-